

Размышления по поводу некоторых явлений в иностранной журналистике

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 -- август 1845.

Редактор тома Г. А. Соловьев. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примечания Ю. С. Сорокина.

М., "Художественная литература", 1981.

[OCR Бычков М. Н.](#)

В литературном, или, лучше сказать, журнальном, мире Западной Европы часто случаются презабавные истории. Как известно, там журнал может существовать и держаться только *мнением*, и потому там стараются иметь литературное или политическое мнение даже такие люди, которые способны иметь только кухонное или туалетное мнение. Многие с умыслом хватаются за какую-нибудь явную нелепость и всеми силами поддерживают ее, вопреки приличию, нравственности и здравому смыслу, чтоб только казаться людьми с мнением. О таких людях нечего и говорить: ясно, что это бессовестные промышленники. Но между ними есть и невинные люди, которые по внешности легко могут быть смешаны с торгашами мнения, но которых, ради истины и справедливости, должно отличать от продавцов лжи. Это люди очень неглупые, иногда даже умные, с познаниями и не без дарований, но которые, при большом честолюбии, не имеют довольно силы, чтоб вырваться из-под уровня посредственности. Если б их самолюбие не превосходило их интеллектуальных средств, они ограничились бы второстепенною ролью -- развивать мнение, основанное человеком выше их, и эту роль они выполнили бы прекрасно и отличились бы в ней от толпы, как люди с умом и талантом, -- потому что на свете гораздо больше генералов, которые весьма способны помочь полководцу одержать блистательную победу, а сами могут одержать верх разве только в стычке, где нужна личная храбрость, а не искусство стратега. И благо им, если они, не претендуя на предводительство армиями, скромно остаются не предводителями, а участниками битвы! Но жизнь -- комедия, люди -- актеры¹, и редкие из них так благоразумны, что честь -- с умом и талантом выполнить маленькую или незначительную роль в пьесе предпочитают бесчестью -- нелепо и бездарно выполнить в ней первую роль... Обратимся к литературным актерам, о которых заговорили. Им хочется во что бы ни стало быть основателями доктрины; но она не рождается свободно из их головы, подобно Палладе, вышедшей во всеоружии из головы Зевса, хотя голова у них болит не меньше Зевсовой, и они стучат по ней не легче Гефестова молота². Тогда они хватаются за первую нелепость, которая может иметь вид или призрак истины. Если они не в состоянии изобрести новой нелепости, то дают особенный оттенок чужой и силятся основать особую, отдельную секту в сфере этой нелепости. Разумеется, все это происходит в пределах приятельского кружка, и за эту роль берется главное лицо в кружке, первенствующее в нем своим нравственным или умственным превосходством или характером. Кружок рад, что у него есть свой гений, который должен прославить его в веках и преобразовать современную действительность. Надо издавать журнал, без которого пропаганда невозможна. Для журнала нужны деньги. Такие истории случаются только в Германии, где денег, как известно, не только куры не клюют, но и люди мало видят. Во Франции и Англии журналы издаются на акциях, капиталистами, и характер журналов -- по большей части политический. В Германии для торговли капиталы бывают, но на журналы, которые, особенно теперь, имеют характер теологический, капиталов там не тратят. И потому гению-реформатору обещают денежное содействие два или три члена кружка, если в него замешаются и богатые люди. Гений принимается за дело; вся работа взваливается на него, особенно черновая; приятели его пишут больше стишки (в Германии до сих пор свирепствует ярость виршеплетства) и только изредка раздражаются тощими статейками в прозе. Выходит книжка, две, три, иногда и больше; журнал отличается ультрасвирепостью: все разделяющие его мнение -- гении; всякое дрянное стихотворение, перелагающее это мнение на вирши, есть гениальное произведение; зато противников этого мнения журнал объявляет людьми бездарными, глупыми, низкими, спекулянтами, торгашами; всякое произведение, как бы ни было прекрасно и чуждо всякой котерии, беспощадно разругивается уже не за то, что оно противного мнения, а за то только, что оно держится не его (журнала) мнения. А мнение? А *force de forger* {С помощью воображения (*фр.*)}. -- *Ред.*} гений-реформатор больше и больше в нем убеждается, потому что в нем действительно есть жажда убеждения и способность к нему, -- словом, есть душа, есть сердце, и со дня на день он приходит в большее и большее свирепство, глубже и глубже впадая в нелепость, которую